

содержательно любую ценность можно представить в виде некоторого состояния дел, являющегося результатом реализации определенной цели. Это можно представить следующим образом: «ценность V есть некоторое состояние дел S, при котором...». Такая форма представления демонстрирует принципиальную возможность реализации этих состояний. Такая принципиальная целенаправленность фиксируется и в обыденном словоупотреблении в таких выражениях, как «добиваться справедливости или любви», «искать красоту» и других. Второй же аспект таков: каково ценностное содержание рациональности как философской категории, с какими ценностными категориями она наиболее тесно взаимодействует в семантическом и функциональном плане, какие ценностные понятия наиболее тесно связаны с рациональностью и влияют как на принятие рационального решения, так и на последующую проверку его на рациональность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рорти Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск, 1997. – 320 с.
2. Benhabib S. Situating the Self: Gender, Community, and Postmodernism in Contemporary Ethics. – N. Y. : Routledge, 1992. – 269 p.
3. Апель К.-О. Трансформация философии. – М. : Логос, 2001. – 344 с.
4. D'Agostino F. Free Public Reason. – N. Y., Oxford : Oxford Univ. Press. – 269 p.
5. Nagel T. Equality and Partiality. – N. Y., Oxford : Oxford Univ. Press, 1991. – 186 p.
6. Nagel T. Mortal Questions. – Cambridge, 1979. – 217 p.
7. Slote M. Common-sense Morality and Consequentialism. – L., 1985. – 157 p.
8. Slote M. Goods and Virtues. – Oxford, 1983. – 148 p.
9. Аристотель. Метафизика // Соч. : в 4 т. – М., 1976. – Т. 1. – 550 с.
10. Resher N. Rationality. – Oxford, 1988. – 234 p.
11. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – 809 с.

Принята редакцией: 11.09.2013

УДК 316.3/.4 + 930 + 008 + 32

БЕЗ ОТЦОВ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ПОЛИТИКЕ*

И. Б. Фан (Екатеринбург)

Автор рассматривает проблему кризиса социального института отцовства в современной России, разных его аспектов и последствий для социализации новых поколений, социально-политического порядка, культуры

*Работа выполнена при финансовой поддержке проектов партнерских фундаментальных исследований СО РАН № 26(2012-2014) «Новые парадигмы социального знания».

© Фан И. Б., 2013

Фан Ирина Борисовна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела философии, Институт философии и права Уральского отделения РАН.
E-mail: Irina-fan@yandex.ru

и политической модернизации. Используя методологию и теорию психоанализа, автор исследует не только социально-психологические патологии, возникающие вследствие данного кризиса, но и более широкий политический контекст. Содержанием последнего является конфликт между зрелыми и инфантильными людьми и в политической элите, и в массах. В поисках психоисторических оснований нынешней ситуации автор обращается к психоанализу личности и деятельности Ивана Грозного и Сталина.

Ключевые слова: психоанализ в политической науке, семейная матрица власти, технология концентрации власти, социализация, кризис отцовства, политический лидер, идентичность, архетипы, коллективное бессознательное.

WITHOUT FATHERS: THE PROBLEMS OF SOCIALIZATION IN RUSSIAN HISTORY, CULTURE AND POLITICS

I. B. Fan (Ekaterinburg)

The author examines the crisis in the social institution of fatherhood in modern Russia, its various aspects and implications for the socialization of new generations, social and political order, culture and political modernization. Using the methodology and theory of psychoanalysis, the author explores not only the social and psychological pathologies arising from the crisis, but also a broader political context. The content of the latter is the conflict between mature and infantile people both in political elite and in masses. In the search for the psycho-historical foundations of the current situation, the author refers to psychoanalysis of the personality of Ivan the Terrible and Stalin.

Key words: psychoanalysis in political science, the family matrix of power, concentration of power technology, socialization, the crisis of fatherhood, political leader, identity, archetypes, the collective unconscious.

В небольшой статье возможно лишь в самых общих чертах обрисовать проблему ослабленной позиции отца в современной России, размывания социального института отцовства и значения этих процессов для политической социализации новых поколений. Сложно глубоко и всесторонне проанализировать исторические и социокультурные причины такого положения вещей. Тем не менее, констатируя данный феномен, попытаемся выявить хотя бы некоторые из множества психологических, социальных и политических последствий данного состояния. Применимость методологии и результатов психоанализа к проблеме социализации обосновывать нет нужды, в политической психологии и в политической науке в целом психоанализ представляет собой одно из важных направлений исследований, касающихся поведения и психики политических лидеров, социальных групп и масс. Имеются работы, детально рассматривающие проблему соотношения психологии, социологии и политологии и выдвигающие тезис о психологии как фундаменте этих двух наук [1, с. 56].

Не так уж необходимо приводить данные статистики и социологии о плачевной демографической ситуации в России, снижении рождаемости, увеличении числа разводов и неполных семей. Цифры известны. Кризисы – семьи и отцовства, демографический, личностной и социаль-

ной идентичности, морали и нравственности, – зафиксированы в научной литературе. Специалистам понятен и вывод о социальных и психологических патологиях (преступности, насилии, детской агрессивности, распаде семьи, разного рода зависимостях, плохой успеваемости, психических расстройствах, самоубийствах и т. п.) как следствии распространения безотцовщины. Эту проблему можно рассматривать в контексте морального коллапса в современном мире и России и его связи с политической ситуацией, с перспективами развития утопий и идеологий, морали, нравственности и правового сознания [2–3].

Кризис института отцовства И. С. Кон рассматривает как важный аспект трех взаимосвязанных процессов – кризиса семьи, маскулинности и власти [4]. Правда, с оценкой политических аспектов кризиса власти со стороны И. С. Кона можно поспорить. Он считает, что в демократических странах граждане являются политическими сиротами, привыкшими жить без «отца» как вождя и защитника. На наш взгляд, И. С. Кон не вполне корректно переносит характеристики российской ситуации на европейский контекст. Исторически обособление частной жизни в европейских странах в XVIII–XIX вв. происходило в первую очередь в буржуазной среде, путем развития частной собственности, правовых и иных механизмов защиты приватной жизни буржуа. Одним из важнейших в этом процессе была дифференциация мужской и женской ролей в семье и обществе. Женщине досталась роль охранительницы частной жизни членов семьи, подчиненной мужчине, а мужчине, отцу семейства – роль гражданина, обладающего гражданскими и политическими правами. Суверенизация индивида-мужчины происходила параллельно суверенизации семьи. «Свобода, равенство, братство мужчин возростали на семейном деспотизме. Похоже, что развенчание, детронизация и десакрализация власти Монарха сопровождалась увенчанием и сакрализацией главы каждого отдельного семейства, превращавшегося в монарха, деспота, тирана в своем доме» [5, с. 141]. «Мультипликация авторитаризма» отцов как обратная сторона ограничения абсолютной власти монарха выступает в истории Европы одним из элементов модернизации и демократизации. Полная власть отцов над домочадцами в частной жизни стала основой развития политического самосознания и усвоения ими новой публичной роли.

Серьезный удар по авторитету отца в семье, обществе и культуре был нанесен в советское время. История, идеология, механизмы и технологии данного процесса – тема отдельных исследований. А. Левинсон описывает важнейшие трансформации, произошедшие в семье, частной и публичной сфере, соотношении мужского и женского в период становления и развития советского строя. «Государственная система детских учреждений, учреждений здравоохранения, образования частично разделили между собой функции семьи, исполнявшиеся женщиной-матерью, приняли на себя задачи социализации. Огосударствление личных внутрисемейных <...> отношений было совершено в национальных масштабах, то есть поголовно, как это свойственно тоталитарному государству <...> Произошло прорастание семьи в государство, а государства в семью» [6, с. 139]. Государство заменило хозяина-мужчину, каким он был

в традиционной семье, но также лишило его возможности полноценно исполнять отцовскую функцию социализации детей.

Каковы последствия замены отца государством? Во-первых, государство стало заместителем хозяина, отца и мужского в целом. Произошло это в силу множества причин – революции, войны, репрессии, коллективизация. Сокращение количества мужчин – вот «цена» советской модернизации, сказывающаяся до сих пор. Во-вторых, Сталин с помощью силовых структур провел операцию персонификации власти, самовоздвижения на вершину государства. Он стал вождем, устранив не только «ленинскую гвардию», но и потенциальных политических конкурентов. Это стало способом экспроприации им целого государства как хозяйства, собственности и инструмента тотального господства над подданными. Идеологическим и культурно-символическим способом легитимации концентрации власти в одних руках стало присвоение им роли «отца всех народов». Посредством такой политики он фактически лишил всех рядовых граждан мужского пола не только экономической роли самостоятельных хозяев или работников и политической автономии, но даже символического значения отца в собственной семье. Произошла двойная рокировка: государство отобрало многие функции у отцов, а Сталин сделал своей собственностью государство. Однако стал не подлинным, но мнимым отцом.

Механизм обожествления, создания культа «отца» и цель, ради которой это делается, на примере культа Ленина, показывает С. Московичи. Культ личности Ленина, созданный Сталиным и другими их сподвижниками, перешел на «создателей» этого культа – руководителей партии, а потом, после специальной работы, на одного-единственного вождя. С. Московичи описывает, как Сталин, уничтожая собственных конкурентов в борьбе за наследство Ленина – власть, пожирает биографии всех «свидетелей революции». «Поднявшийся на позицию единственного великого человека революции, он становится узурпатором вдвойне: узурпатором своих «братьев», или товарищей, и узурпатором Ленина, который хотел отстранить его от своего наследия. Он провозглашает себя образцом, которому каждый должен следовать и повиноваться, как своему отцу». Он похищает даже любовь, которую массы испытывали к старым революционерам. «И когда любовь становится осиротевшей, массы ее переносят на него» [7, с. 442]. Попутно Сталин переписывает историю революции, переплавляя «коллективную историю в биографию одного человека, ее божественного демиурга» [7, с. 444].

Сталин присвоил роль Бога-отца – «отца народов», создав собственную светскую религию и культ. Но свержодец – это всегда псевдоотец. Д. Ранкур-Лаферриер выявляет роль жестокого отца и слепо любящей матери в формировании психики Сталина, а также механизмы перенесения «личных мотивов с объектов семьи на объекты общества» [8, с. 501]. Интересно и то, каким образом компенсацией чувства неполноценности для Сталина стало идеализированное «Я». С ощущением себя жертвой, сформировавшимся в детстве, Сталин справлялся с помощью садизма. «...Он снова и снова был своим жестоким отцом, а не своей бедной матерью, не самим собой <...> Его отождествление с агрессором дости-

гало завершенности во время совершения садистского акта». Садизм, мстительность и мегаломаническую жажду власти Сталин компенсировал отнюдь не в своей фантазии, но в реальной жизни. Главным источником этих качеств личности Сталина Д. Ранкур-Лаферриер считает не «ущемленный нарциссизм Сталина и его последующую социопатию, а плохие отношения с родителями (особенно с отцом)» [8, с. 518]. Известна злобная роль И. Джугашвили и в отношении собственных детей. Отождествление Сталина с Иваном Грозным, другими жестокими русскими царями и даже с Гитлером, – еще один психологический механизм, общий для становления деспотических правителей в России. Э. Эриксон раскрывает сходные механизмы формирования патологических нарушений в психике Гитлера. Здесь тоже негативную роль сыграли болезненные отношения юного Адольфа с пьяницей и тираном отцом и прощающей отца и «предающей сына» мать [9, с. 449–480].

Фигура Сталина отсылает нас к первому в русской истории квазиотцу – Ивану Грозному. Психоаналитический подход (наряду с прочими) позволяет высветить фактическую, а не мифоидеологическую роль этого царя в российской истории и культуре. Речь идет о психоисторическом «вкладе», «следах» его деятельности, архетипах коллективного бессознательного, осевших в социально-психологических установках индивидуальной (политические лидеры) и коллективной (население) ментальности. Они до сих пор сохраняются в политической культуре, определяющей политическое поведение людей. Очевидно, последующие властители совершенно сознательно использовали ту технологию концентрации власти, которую открыл Иван Грозный, но, чтобы воплотить ее, нужно состояние психики, типологически сходное с психикой Грозного. Любая технология имеет институциональные (меры по реорганизации институтов власти) и ментальные аспекты. Основой технологии, устанавливающей абсолютный произвол первого лица, выступает насилие, осуществляемое силовыми структурами, в том числе с помощью методов разжигания конфликтов между аристократией и простонародьем. России «повезло» с теми, кто внутренне готов к применению такой технологии.

С. М. Зубарев рассматривает политические действия Ивана Грозного сквозь призму ряда психических патологий. Одна из них – «регрессия от Отцовского Закона <...> к материнскому капризу» [10, с. 62]. Опричнина как главное деяние Ивана IV стала способом деления населения на «своих» (слепо исполняющих приказы царя и имеющих привилегии) и «чужих», и предоставления «своим» право казнить «чужих». Целью же было достижение абсолютной власти. Ради этого он присвоил роль Сверхотца, Бога, Судьи, устроил собственный «Град Божий» и «Страшный Суд». Самообожествление является проявлением гипертрофированного нарциссизма, который становится следствием «нарушений в прохождении эдипова конфликта, в результате которых ребенок, избегнув прямого столкновения с отцовской фигурой, обходит ее фантазийным способом, объявляя себя, например, божеством» [10, с. 64]. Факты биографии первого царя – утрата отца в три года и матери в восемь лет, без полноценной их замены, – привели к нарушениям в психическом развитии, к формированию «незрелой, нетриангулированной, доэдиповой лич-

ности». Психологический портрет личности Грозного включает следующее: он был неудачливым мужем, скверным отцом – убийцей сына, правителем, оставившим после себя не только тысячи жертв, но и сквозные для российской истории проблемы. Присвоение сверхотцовской роли высвечивает отсутствие реальных отцовских качеств. Страх перед обнаружением своей несостоятельности Иван IV компенсировал усилением личной власти. Террор выступал в качестве мести по отношению к «врагам» и «чужим» – тем, на кого он проецировал собственную вину за смерть матери. Одновременно это было и устранением потенциальных конкурентов. Отсюда психологическая невозможность для него выскочить из логики усиления террора.

К последствиям опричнины относятся крепостничество и смута. Значение первого – в лишении крестьян не только права передвижения, а также хозяйственной самостоятельности, но и собственной воли и всякой, даже потенциальной субъектности. Смута же стала следствием отсутствия законной передачи власти сильному преемнику, результатом неспособности Ивана IV исполнить роль настоящего отца. Отцовство Грозного, следовательно, было ложным, он стал первой «тотальной мачехой россиян» (С. Зубарев) и оставил им в наследство архетип сиротства.

Каждый новый псевдоотец в российской истории возводил свою «харизму» к предыдущим. Психологические основы их власти имеют много общего. «Сталинский «патрицид» – тотальное уничтожение отцовского авторитета в стране укладывается в ту же логику: самозванный чужеродный «братец» [товарищ старым революционерам. – *И. Ф.*] должен уничтожить не только всех возможных сибсов-конкурентов, но и саму идею отцовского авторитета. Тогда он остается единственным «Отцом народов», а Россия, пусть в форме СССР, продолжает стагнацию как тотальная материнская структура...» [10, с. 71]. В результате правления этих деятелей сформировалась российская матрица власти «мачеха и дети», «свои» и «чужие». Она и порождает постоянную социальную напряженность и недоверие населения к власти. Все эти фигуры (в силу их самоназванности Отцами) многими воспринимаются как отцовские, но их истинная метаисторическая роль заключается в формировании или оживлении этой матрицы властвования над населением (как «падчерицей»).

Невосполнимую роль отца в семье и обществе в настоящее время никто не отрицает, однако острый кризис отцовства в России, имеющий и институциональную, и культурно-символическую составляющие, публично почти не обсуждается, разве что на страницах специализированных журналов. Как-то странно писать о вещах, кажущихся банальными: отец – основа семьи и социума, ничуть не меньшая, чем мать! Но этот простой тезис отстоит весьма далеко от практики российской системы образования и воспитания. С отцом и его влиянием на социализацию, в том числе и политическую, и властью ребенок сталкивается позже, чем с матерью, где-то на втором или третьем году жизни. Но для этого отец должен быть рядом, а в здесь-то и проблема. Влияние отца в архаических обществах сказывается в периоды инициации, прохождения испытаний и признания детей взрослыми. Инициация – одна из основ культуры и общества, определяющая будущее. В современных обществах функции

института инициации разобраны по разным ведомствам и сферам жизни и деятельности, он фрагментирован, а зачастую не считается обязательным. Тем не менее, значение отца состоит в помощи взрослению, в идентификации и социализации, приобщении к разным типам социальных отношений, в том числе первичным формам самоорганизации и социального действия. Условием всего этого является ограничение власти матери и материнских структур над ребенком, воспитание у него воли, способности противостоять произволу, самостоятельности, стремления к устойчивым «правилам игры» (нормам, закону, праву), морального и правового сознания.

С. М. Зубарев характеризует Россию как страну «мертвых отцов» и материнских структур, бесконечно воспроизводящих «инцестуозный симбиоз матери и детей» и инфантильность последних [10, с. 52]. К таковым относятся все иерархические системы прямого подчинения и распределения благ – детский сад, школа, армия, спецслужбы, тюрьма, церковь, даже государство в целом, например советское. В этом ряду есть одна массовая фигура – учительница. Она замещает отца в процессе социализации в его роли того, кто ведет ребенка в мир взрослых. Она дает детям первый образ власти, социального и политического порядка, воплощает и транслирует государственный заказ на определенный тип личности, на подчинение как господствующий стиль поведения по отношению к власти, знакомит с требованиями к политической культуре и поведению молодого человека. Учительница – это женщина, выступающая в роли отца, она воплощает весьма странную власть в системе образования. Такая власть воспроизводится на протяжении многих десятилетий и многих поколений. Однако матери и в массе семей обладают столь же странной властью. После смерти или деградации отца мать для части детей становится мачехой, которая, добившись всевластия, присваивает имя Отца. Вот драма русской истории, повторяющаяся и на уровне политических лидеров, и на уровне масс. При отсутствии сильных отцов рядом (а это факт) мать и материнские структуры опекают детей, «ограждают от агрессии и конкуренции сначала со стороны родных отцов, потом от всех самцов социума». Следствием такой опеки является «прогрессирующая инфантильность» поколений, сокращение рождаемости и ослабление институтов отцовства и родительства. Порочный круг замыкается.

Огромное количество российских детей проходит весьма специфическую социализацию в условиях отсутствия или ослабленной роли отцов и доминирования материнских структур. Такая социализация препятствует превращению инфантилов во взрослых и настоящих отцов, становлению зрелой личностной, гендерной и социальной идентичности. Примером таких структур является церковь. Среди тенденций развития русской православной церкви существует одна опасная – фундаментализм [11]. Особенно остро проблема ущемленной социализации видна по советскому периоду, но и в постсоветское время физическая или моральная гибель отцов и все вытекающие последствия – норма, статистика. Всеобъемлющий контроль и подавление инициативы, самостоятельности, критичности, казалось, ушедшие в прошлое, вновь на повестке дня в фактической государственной политике и системе образования. Но что

это, как не ограничение возмужания, взросления? Конечной целью такой социализации является контроль за активностью, особенно политической. Не допустить развития субъектов в любой сфере, поскольку такие субъекты рано или поздно могут начать претендовать на политическую власть – вот плохо спрятанный мотив многих реформ в образовании и других сферах.

Главное следствие повторений периодов концентрации власти – «пораженность Отца в русской истории» [10, с. 37]. Эта проблема, которую ни общество, ни государство не ставит и не пытается решать, в свою очередь, задает фундамент для латентного неосознаваемого конфликта, опасного своей непредсказуемостью для будущего. Возможно, все иные конфликты как-то связаны с этим глубоким конфликтом «между зрелыми и инфантильными субъектами обоих полов» [10, с. 54]. Инфантильные люди, доминирующие и среди рядового населения, и, что особенно настораживает, среди политической элиты, принимают политические и иные решения, ориентируясь подчас на иждивенческие, консервативные стратегии жизни, не опирающиеся на адекватное отражение реальности, наоборот, уходящие от нее. Какое будущее они выберут? Инфантилы, занимающие высокие должности и участвующие в распределении власти и собственности, не дают развиваться «взрослым», потенциальным отцам, способным поменять действующий социально-политический порядок.

«Тоска по железной руке» – неправильно понимаемая либо специально искажаемая потребность общества. Эту потребность стоит выразить как потребность в таком «порядке» и такой «стабильности», которую лучше бы назвать нормальной жизнью. В социально-психологическом плане эту же потребность можно сформулировать как потребность не в одном-единственном на всю страну Отце-диктаторе, а во многих отцах, потребность в настоящем, живом, ответственном и заботливом отце у каждого, отце, приобщающем к взрослой жизни. Может быть, пора уже отказаться от веры в одного «великого Отца» и начать уважать отцов живых и реальных?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Фишман Л. Г.** В ожидании Птолемея. Трансформация метапарадигмы социально-политических наук. – Екатеринбург : УрО РАН, 2004. – 156 с.
2. **Мартыанов В. С., Фишман Л. Г.** Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. – М. : Весь мир, 2010. – 256 с.
3. **Фишман Л. Г.** Исчезнет ли мораль? // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – Екатеринбург, 2011. – Вып. 11. – С. 408–418.
4. **Кон И. С.** Мужчина в меняющемся обществе. Состояние отцовства в России. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rumagic.com/ru_zar/sci_psychology/Kon/3/30.html (дата обращения: 19.09.2013).
5. **Айвазова С. Г.** Семья как пространство частной жизни: новые функции и задачи // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С. В. Патрушева. – М. : ИСП РАН, 2006. – С. 140–158.
6. **Левинсон А.** Наши М и наши Ж // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 2 [076]. – С. 136–140.

7. **Московичи С.** Психология харизматического вождя // Психология и психоанализ власти. – Самара : БАХРАХ, 1999. – Т. 2. – С. 408–448.
8. **Ранкур-Лаферриер Д.** Психоанализ Сталина // Психология и психоанализ власти. – Самара : БАХРАХ, 1999. – Т. 2. – С. 481–552.
9. **Эриксон Э.** Психоанализ Гитлера // Психология и психоанализ власти. – Самара : БАХРАХ, 1999. – Т. 2. – С. 449–480.
10. **Зубарев С. М.** Хрустальный купол фантазий. – М. : Academia, 2011. – 288 с.
11. **Степанова Е. А.** Фундаментализм и мания идентичности // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – Екатеринбург, 2008. – Вып. 8. – С. 94–116.

Принята редакцией: 11.09.2013

УДК 13 + 165 + 316.3/.4

СМЫСЛ ИСТОРИИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО И АКСИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА*

Н. С. Розов (Новосибирск)

Проблема смысла истории раскрывается через категории испытания и общезначимых ценностей. Фундаментальные процессы испытания рядоположены процессам естественного складывания и искусственного конструирования. Показано, что в истории именно испытания разного масштаба играют ключевую роль. Поскольку безопасность, свобода и счастье людей зависят в наибольшей мере от уровня защиты общезначимых ценностей (минимальных ценностей, тонкого слоя ценностей), то смысл человеческой истории раскрывается как глобальное самоиспытание человеческого рода на способность к осуществлению общезначимых ценностей в жестких условиях соперничества и дефицита ресурсов.

Ключевые слова: *смысл истории, общезначимые ценности, испытание, безопасность, свобода, счастье, доминирование, Gemeinschaft и Gesellschaft.*

THE MEANING OF HISTORY AS A SUBJECT OF SOCIAL-PHILOSOPHICAL AND AXIOLOGICAL ANALYSIS

N. S. Rozov (Novosibirsk)

The problem of meaning of history is discussed using the categories of testing and universally valid values. The fundamental testing processes accompany the

*Работа выполнена при финансовой поддержке проектов партнерских фундаментальных исследований СО РАН № 26(2012-2014) «Новые парадигмы социального знания».

© Розов Н. С., 2013

Розов Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН.

E-mail: nrozov@inbox.ru